

3. Chronique de Metz de Jacomin Husson (1200-1525). Publié d'après le manuscrit autographe de Copenhague et celui de Paris, par H. Michelant. – Metz: Rousseau-Pallez, 1870. – 380 p.
4. [Histoire de France depuis les origines jusqu'à la Révolution: en 9 t. – Paris: Hachette, \[s.d.\]. – T.4. Deuxième partie: Charles VII, Louis XI et les premières années de Charles VIII \(1422-1492\). Par Ch. Petit-Dutaillis.](#) – 456 p.
5. Histoire de Metz, par des religieux bénédictins: en 2 t. – Metz: J.-B. Collignon, 1775. – T.2. – 703 p.
6. Journal de Jehan de Aubrion bourgeois de Metz avec sa continuation par Pierre Aubrion (1465 – 1512). Publié en entier pour la premier fois par L. Larchey. – Metz: F. Blanc, 1857. – 638 p.
7. Huguenin, J.-F. Les chroniques de la ville de Metz : 900 – 1552 / J.-F. Huguenin. – Metz: S. Lamort, 1838. – 896 p.
8. Mémoires d'Olivie de la Marche, maître d'hôtel et capitaine des gardes de Charles le Téméraire: en 4 t. – Paris: Renouard, 1885. – T.3. – 328 p.
9. Mémoires de Philippe de Commine: en 2 t. – Paris: Alfonse Picard et fils, 1901. – T.1. – 619 p.
10. Plancher, Ur. Histoire générale et particulière de Bourgogne: en 4 t. / Ur. Plancher. – Dijon: N.-L. Frantin, 1781. – T.4. – 1176 p.
11. Schneider, J. Charles le Hardi, duc de Bourgogne et de Lorraine (1475-1477) / J. Schneider // Le Pays Lorrain. – 1977. – № 1. – P. 19–40.
12. Toutey, E. Charles le Téméraire et la ligue de Constance / E. Toutey. – Paris: Hachette, 1902. – 488 p.
13. Vaughan, R. Charles the Bold: the last Valois duke of Burgundy / R. Vaughan. – Woodbridge: Boydell Press, 2002. – 523 p.

МОНАШЕСКИЙ УХОД В «ПУСТЫНЮ» КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРА РУСИ

Д.Н. Савич (Витебск, Беларусь)

Религиозный институт монашества, в христианстве появляется достаточно рано и к концу 3-го – началу 4-го века получает свое литургическое и каноническое оформление. Родиной христианского монашества принято считать Египет: долина Нила, а точнее прилегающие к ней пустыни и пересыхающие русла рек (Вади Нитрун и Нитрийская пустыня и т.п.). С этим и будет собственно связано синонимичность выражений «уйти в монашество» и «уйти в пустыню». Монашество возникает и развивается по двум направлениям: анахореты и киновии. Анахореты (отшельники) – тип монашеского делания подразумевающий отдельное, уединенное, самостоятельное проживание монаха, лишь находящего под духовным руководством старца – игумена монастыря. Совместной деятельности братии монастыря такого типа не подразумевалось, за исключением богослужения в определенные дни. Другой тип монастыря – киновия (общежительное) – подразумевает тип не только совместного проживания, но и совместного ведения хозяйства. Именно такой тип общины и поучил наименование – монастырь.

На Руси монашеская жизнь появляется практически с принятием христианства. Летописи повествуют о двух монастырях: мужском ми женском, устроенных князем Ярославом Мудром. Число монастырей на Руси в этот период будет расти достаточно быстрыми темпами, равно как будет иметь место и обратный процесс – некоторые монастыри будут закрываться. Причина этих явлений будет крыться в специфике устройства первых русских монастырей: они будут не только анахоретскими (отдельно живущими), но и княжескими: создаваемыми князьями или боярами для «помина души» либо в городе, либо в непосредственной близости от него, соответственно с уходом князя или прекращением его заботы, мог исчезнуть и монастырь. И это будет ключевым отличием от восточного монашества, где наиболее знаковые и древние монастыри устраивались трудами и молитвами собственно монахов-подвижников. Ситуация на Руси изменится с появлением Печерского монастыря в Киеве, устроенного трудами двух монахов подвижников: препп. Антония и Феодосия Печерских. В качестве образца выступил уклад монашеской жизни на полуострове Афон (Греция), где препп. Антоний находился некоторое время. Однако, предыдущая тенденция осталась – монастыри, даже не княжеские, возникали как правило неподалеку от города (Хутынский в Новгороде, Спасский в Полоцке, Печерский в Киеве и т.д.). Идеи ухода в пустыню, как не столько уединенное место (допустимо и около города), сколько удаленное в данный период не прослеживается.

Татаро-монгольское нашествие прерывает сложившийся уклад жизни на Руси, в том числе и церковной. Монашество не будет исключением и именно в нем произойдут основные перемены. Русское монашество, несмотря на тяжелые условия в период 14-16 веков приобретет качественно иное наполнение. Для Вселенского Православия, а в особенности для монашества, 14-ый – середина 15-го века были периодом подъема духовности, религиозного ренессанса, связанного с исихастским движением. В его основу легла деятельно-созерцательная аскетическая практика, развитая преподобным Григорием Синаитом и богословски оформленная святителем Григорием Паламой.

Этот духовный подъем и движение исихастов не могли не коснуться и Руси, где после катастрофы 13-го века, начнется возрождение церковной жизни, но уже на иных принципах и традициях, нежели до татаро-монгольского нашествия. Впервые в русской истории будет созван Поместный собор, митрополитом станет выходец из русских земель, в основу богослужебной жизни ляжет Иерусалимский устав и т.д. Коснутся изменения и монастырской жизни. С середины 15-го века происходит значительный рост числа общежительных монастырей и увеличение их роли в жизни общества. Помимо внутреннего устройства (переход на устав киновии) в русском монашестве изменится и характер связи с миром. Монастырь был центром духовной жизни и в предыдущий период, но сейчас он становится центром и экономической

жизни, способом социально-экономического освоения новых территорий. Основателями новых монастырей гораздо чаще становятся сами монахи подвижники. Изменяется и географическое местоположение монастырей: стали преобладать удаленные от города обители, часто в лесистой и заболоченной местности, получившей название «пустыни». Происходит изменение идеологии «пустыни»: из концепта уединенного (отдельного) проживания, не требующего радикального ухода (достаточно закрыться в келии и тем самым ты уже удален от мира), «пустыня» трансформируется в концепт не столько географический (удаленное расстояние от человеческого поселения), сколько цивилизационный (уйти от человека, уйти от и из мира, уйти за пределы экумены). Но процесс ухода в пустыню, приобретает и еще одну характерную черту: монах покидает экумену и уходит в пустыню, но экумена приходит к монаху и его пустыня становится частью цивилизованного мира. В результате ухода в пустыню происходит расширение границ цивилизованного мира, происходит расширение границ Руси, как внутренних, так и внешних.

Мощный импульс этому движению пустынножителей придала деятельность преподобного Сергия Радонежского и его последователей. Также это движение оказалось сопряжено с процессом внутреннего освоения земель Северо-Восточной Руси, окультуривания дикой природы, изменение природного ландшафта на антропогенный.

Механизм появления пустыни прост. Она основывалась человеком, отрехшимся от мира и ушедшим в нее («пустыню»), чтобы спастись в безмолвном уединении. В скором времени к нему начинают приходиться такие же любители безмолвия и уединения и постепенно устрояется небольшой монастырь, который и получает название «пустынь». Постепенно он мог превратиться и в более крупный монастырь, но вне зависимости от этого по «искажению пустыни», по выражению преп. Сергия Радонежского, уже было начато. Впервые, лесной монастырь сам по себе является земледельческим поселением: монахи расчищали лес, строили келии, разводили огороды, пахали, косили т.е. имели все атрибуты крестьянского поселения. Но действие монастыря распространяется и за его ограду. Вокруг пустыни начинают появляться мирские – крестьянские поселения. И даже если пустынь прекращала свое существование, то крестьянский приход, объединенный вокруг монастырской церкви, продолжал жить. Таким образом, движение пустынножителей становится движением сельских приходов. Основными транспортными артериями этого движения стали реки. Если провести от Троице-Сергиевой лавры две линии, то мы очертим пространство, куда направилась монастырская колонизация с XIV-го века – первая линия по реке Кострома на Вычегду, вторая по Шелоне на Белоозеро. В XV-ом веке монастырская колонизация переходит на бассейн реки Онега, а в XVI-ом на бассейн рек, впадающих в Белое море: Северная Двина, Печора, Мезень, Пинега, Кемь и т.д. Отдельного упоминания достойна и внутренняя колонизация – устранение белых пятен внутри уже освоенной территории. Для большей ясности приведем некоторые примеры из житий пустынножителей XIV-XVI-го веков. Первый отрывок взят из жития преподобного Кирилла Белоозерского.

«Итак, Божиим поспешением, пустились они в путь и спустя много дней пришли на Белоозеро... Место же где поселился святой Кирилл, находилось в глухом бору, в чаще, и не жил там никто из людей. Это был небольшой, но очень красивый холм, со всех сторон словно тсеною, окруженный водами... После того святой вырубил лес, очистил место и собрав воедино хворост, решил посеять какие-нибудь злаки, ибо было то место скудно и пусто... Шло время и слава о блаженном Кирилле распространялась повсюду, и имя Кирилла, как нечто освящающее, было у всех на устах, и добродетель словно перстом указывала на него И много людей отовсюду приходило к блаженному Кириллу, и за малое время братия сильно увеличилась». К смерти преподобного ее число достигло 53 человек. Сохранились документы и о первых земельных угодьях монастыря. Постепенно некогда глухое Белоозерье стало покрываться сетью новых сел и деревень.

А вот небольшой отрывок из жития святого первой половины XVI-го века – преподобного Антония Сийского. «Место отстояло на 78 верст к югу от Холмогор и было еще более пустынно: непроходимые дебри, темные леса, чащи, болота, заросшие мхом, глубокие озера – таковы были стены, отделявшие от мира место подвигов преподобного Антония. Единственными обитателями этого места были дикие звери. Здесь никогда не было человеческого жилья, одни лишь звероловы заходили порой сюда. Место понравилось блаженному, и он здесь решил поселиться. В начале инокам приходилось переносить много лишений. Сам преподобный вместе с другими иноками вырубал лес и копал землю». Преподобный обращается с просьбой к великому князю об этом непроходимом лесе: «пожеловал бы государь, велел богомолье свое строить на пустом месте, на диком лесу, братию собрати и пашню пахати». Василий III дал грамоту на окружавшие монастырь леса.

А вот описание Соловецкого острова из древнерусского текста жития преподобных Зосимы и Савватия Соловецких. «Слышал бо бе от живущих ту на острове, рекомем Соловеи, в мори акияна, сказовашеся, отстоит же от земли яко два дни шествия имяше. Глаголют же, округ его яко верст сто или множае, а вдоль бяхе острова того яко тридесят верст, имяше же посреди себе озера многи, и рыбы разны образы в них бяху по родом их, а не морския, а иже в мори округ его ловитвы ради рыбныя и звери орскаго ловцы, кождо их с добыткы отхождаху в дома своя. Остров же тои дресесы разными цветяше, и борием вереи

горам покровени, и ягодичия многоразны бяху, и сосния дресеса велия бяху к созиданию храмов, и на вся потребности благоустроен бе, - есть же доброугоден к сожитию человеческому по всему».

Если взглянуть на статистику, то за эти два с половиной столетия было построено 150 пустынных и 104 городских и пригородных монастыря. А. В. Карташев считает, что «статистически бурный, былинно-сказочный рост и размножение северно-русского монашества в значительной мере создан азиатской мимикрией северно-русского племени по инстинкту самосохранения. Мирское землевладельческое население окружало отшельника, помогало ему отстроить самый примитивный дворик, обслуживало его физическое существование и являло собой перед лицом татарских баскаков привычную для них картину буддийского монастыря и за это освобождавшегося от налогового бремени». Но данное утверждение не совсем соответствует реальности. Если до битвы на Куликовом поле в 1380 году – подобное и могло иметь место, то после Мамаева побоища многое что изменилось. Русь по большей части дань платила через князей, а с 1380 года – это происходило нерегулярно, к тому же и князья порой устанавливали ее размер самостоятельно, а со второй половины XV-го века и вовсе отказалась платить. Поэтому необходимость мимикрии под «буддийский монастырь» вряд ли оправдана, особенно после XV-го века. Тем более, что татаро-монголы буддистами не были, а с середины XIV-го века Орда и вовсе принимает ислам. А основной рост пустынных монастырей приходится на XV-XVI века (57 и 51 монастырь соответственно). Эти цифры могут и о других причинах. Но вне зависимости от них, значение пустынь для освоения Заволжья и Русского Севера неопределимо. Монах и крестьянин шествуя рядом друг с другом не только осваивали север Руси, но и вводили в орбиту русского сознания те небольшие народности, которые обитали на этих землях и роль монастырей в христианизации и связанной с этим в какой-то мере русификации этих народностей требует отдельного изучения.

В.О. Ключевский называет историю России – историей страны, которая колонизируется. История колонизации в рассматриваемый нами период удивительным образом совпадает с историей распространения и развития монастырей. Конечно, нет необходимости считать монастырскую колонизацию либо единственной либо первично по сравнению с крестьянской. Эти два потока – монах и крестьянин – шли рука об руку, взаимно дополняя друг друга. Монастырская колонизация как и крестьянская имела один вектор направленности – «к студеному морю окяяну», достигнув своей завершенности в основанной преподобными Зосимой и Савватием монастыре на Соловецких островах в Белом море.

1. Карташев А.В. Собрание сочинений: В 2-х т. Т.2: Очерки по истории Русской Церкви / А.В. Карташев // М.: Терра, 1992. – 569 с.
2. Ключевский В.О. Курс русской истории [электронный ресурс] / В.О. Ключевский // Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Klyuchevskij/kurs-russkoj-istorii/2
3. Житие Кирилла Белозерского (подготовка текста Е. Г. Водолазкина, перевод и комментарии Е. Г. Водолазкина и Г. М. Прохорова) [электронный ресурс] / Режим доступа: <https://predanie.ru/pahomiy-logofet-serb/book/80431-zhitie-kirilla-belozerskogo/>
4. Жития Зосимы и Савватия. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – СПб.: Наука, 2005. – Т. 13: XVI век.
5. Святые Новгородской Земли, или история святой северной Руси в ликах X-XVIII вв. Том 2 // Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/assets/build/files/20042/out.pdf>

ЗНАЧЕНИЕ КУЛЬТА СВЯТЫХ В РЕКАТОЛИЗАЦИИ ИНФЛЯНТ 17 ВЕКА

Т.В. Богдановича (Рига, Латвия)

С первых веков своего существования Римско-католическая церковь способствовала распространению и укреплению культа святых. Тому было несколько причин – вера людей в чудодейственные силы святых мощей укрепляла авторитет церкви, а также способствовала распространению христианства. Кроме того почитание святых приносило немалые доходы церкви, где были святые мощи – там формировался центр религиозной и светской жизни. Почитание святых не утратило свое значение и в 17 веке. Орден иезуитов понимал важность феномена святости для верующих и активно использовал культ святых в борьбе с протестантскими учениями, а также для укрепления позиций Римско-католической церкви.

Территория Инфлянт в начале 17 века переживала религиозный кризис. Под влиянием реформации, все немецкое дворянство перешло в лютеранство, крестьяне же продолжали практиковать языческие традиции, отказываясь посещать церковь даже под страхом наказания [9, с. 23]. В результате Ливонской, а затем польско-шведской войны были разрушены практически все храмы, ощущалась острая нехватка священнослужителей как лютеранских, так и католических [3, с. 53–54]. Исправить данную ситуацию были призваны иезуиты. Постоянную деятельность на территории Инфлянт орден начал в 1625 году [2, с. 43]. В 1630 году была основана миссия, а в 1643 резиденция в городе Динабург (Даугавпилс) [2, с. 43].

Основными культами на территории Инфлянт, были культ св. Евхаристии, культ Святейшего сердца Иисуса, культ св. Марии, а также культы святых ордена иезуитов. Об этом свидетельствуют отчеты динабургской резиденции, литургический календарь, а также интерьеры иезуитских храмов.